

Ричард ШУСТЕРМАН

**ПРАГМАТИЗМ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА:
ОТ ТЕКСТУАЛИЗМА К СОМАЭСТЕТИКЕ**

**ДИСКУРС ТЕЛЕСНОСТИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
СОМАЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РИЧАРДА ШУСТЕРМАНА**

(ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ)

Юлия МАГОМЕДОВА

Юлия Станиславовна Магомедова — аспирант Института философии и права СО РАН, концертмейстер и преподаватель кафедры фортепианного искусства, Тюменский государственный институт культуры, Россия.

E-mail: Mag_ys@mail.ru

В 2018 году в Институте философии РАН состоялось масштабное мероприятие — международная научная конференция «150 лет прагматизма. Истоки и современность». В том же году был выпущен сборник «Прагматизм и его история: Современные интерпретации», где на вопросы международного интервью отвечали ведущие философы-прагматисты и исследователи прагматизма из шестнадцати стран. «Чему учит история прагматизма? Какую роль могли бы сыграть прагматисты в диалог-противостоянии аналитической и континентальной философских традиций? Какое понятие является ключевым для современного прагматизма: «опыт», «социальная практика» или «язык»?» — таковы три вопроса, адресованные прагматистам. Среди респондентов, как ни странно, не было представителя американского неопрагматизма Ричарда

Шустермана — философа, который пытается изменить «метафорическую перспективу» (Р. Рорти) в смежной философской дисциплине — эстетике. Нам бы хотелось восполнить этот пробел и проследить истоки формирования прагматической сомаэстетики — дисциплины, которую изобретает Шустерман. Несмотря на обширную англоязычную библиографию философа, на русский язык была переведена лишь одна из его работ. В предисловии к публикации мы в общих чертах представим позицию Шустермана — аргументы против текстуализма Ричарда Рорти, ключевые понятия сомаэстетического проекта. В данном эссе Шустерман исследует тему, обозначенную в названии последней работы Рорти — «Философия как культурная политика» (2007), которая, с его точки зрения, демонстрирует подлинную новизну, эволюцию идей Рорти, и позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на разницу стилей прагматизма, у философов можно обнаружить множество точек соприкосновения.

Ключевые слова: неопрагматизм, сомаэстетика, Р. Шустерман, Р. Рорти, опыт, культурная политика

RICHARD SCHUSTERMAN

PRAGMATISM AND CULTURAL POLITICS: FROM TEXTUALISM TO SOMAESTHETICS

**THE DISCOURSE OF THE BODY IN ANGLO-AMERICAN PHILOSOPHY:
THE SOMAESTHETIC PROJECT OF RICHARD SCHUSTERMAN**

(THE FOREWORD TO THE TRANSLATION)

Julia Magomedova

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen State Institute of Culture, Russia.

E-mail: Mag_ys@mail.ru

A large-scale event was celebrated at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences in 2018, it was an international scientific conference «150 Years of Pragmatism. The Origins and the Modernity». A publication entitled “Pragmatism and Its History: Contemporary Interpretations” was published the same year, the leading pragmatist philosophers and researchers of pragmatism from sixteen countries answered the questions of an international interview in it. “What does the history of pragmatism have to teach us? Which role could pragmatists play in the dialogue-opposition between the analytic and continental philosophical traditions? Which is the key concept for modern

pragmatism—the experience, the social practice, or the language?”. These are the three questions addressed to pragmatists. The respondents, oddly enough, did not include Richard Schusterman who is a philosopher attempting to change the “metaphorical perspective” (R. Rorty) in the closely related philosophical discipline that is aesthetics. What we would like to do is to fill this void and follow the sources of somaesthetics, which is a pragmatic discipline. Despite Schusterman’s extensive English-language bibliography, there is only one of his works being translated into Russian. In the foreword to the publication, we present in general terms Schusterman’s views, his arguments against Richard Rorty’s textualism, and the basic concepts of the somaesthetic project. This essay explores the issue marked in the title of Rorty’s last work *Philosophy as Cultural Politics* (2007), that demonstrates, on Schusterman’s view, the genuine innovation and evolution of Rorty’s thoughts and lets us conclude that, despite the different styles of pragmatism, there are many similarities between these philosophers.

Keywords: neopragmatism, somaesthetics, R. Schusterman, R. Rorty, experience, cultural politics

Исследование Шустермана «Прагматизм и культурная политика: от текстуализма к сомаэстетике» посвящено критическому анализу идей Ричарда Рорти и изложению собственного проекта, для которого автор избирает термин «сомаэстетика». Шустерман идентифицирует себя как философа прагматической ориентации — последователя Дьюи, ученика Рорти, а также предлагает трактовать прагматизм как плюралистическую философию культуры. Соглашаясь с Гегелем в том, что философия опосредована культурно-историческим контекстом, и потому является духом эпохи, выраженным в мысли, Шустерман, тем не менее, занимает позицию антифундаментализма. Более того, верный ученик Рорти находит «слабое» звено в позиции своего учителя — остатки того эссенциализма, с которым последний так отчаянно сражался. По мнению Шустермана, в трактовке человеческой природы как, по сути, лингвистической, Рорти остается верным скорее герменевтическому универсализму, чем дьюианскому прагматизму.

Отождествление человеческого опыта с языковым опытом («люди — сентенциальные установки») не позволяет выйти на важное для Шустермана недискурсивное измерение — так называемый соматический опыт. Автор сомаэстетики выстраивает

вает ряд аргументов против «герменевтического универсализма», воспевающего интерпретацию как инструмент, который формирует наше восприятие (по его мнению, сторонниками герменевтического универсализма были Ницше, Гадамер, Дэвидсон, Деррида, Рорти и др.). Шустерман предлагает провести различия между пониманием и интерпретацией таким образом, чтобы допустить существование *доинтерпретативного*, «без-мысленного» понимания. В данной работе показано, как Рорти отреагировал на этот аргумент (изложенный в одной из публикаций) — он увидел здесь продолжение длинной эпистемологической традиции, а именно экзистенциальной феноменологии с ее целью поставить нас в дискурсивный контакт с «подлинно реальным». Однако Шустерман возражает: одно дело — поиск дискурсивной теории, которая бы описывала этот изначальный опыт, другое — признание наличия недискурсивных переживаний, которые не обязательно будут всеобщими и необходимыми, и, следовательно, не обязательно должны быть упакованы в единый словарь.

Следующий пункт размежевания Рорти и Шустермана — понятие опыта. В ранний период творчества, критикуя эмпиристские «догмы», в качестве альтернативы позитивистскому «мифу о данных» Рорти выдвигает проект культурологической опосредованности и обусловленности познания. Любые концепции опыта провоцируют нас принять «миф о данных» — идею непосредственных переживаний, которые могут служить основанием других знаний. Особенность позиции Шустермана в том, что он реабилитирует понятие «опыт» и предлагает различные варианты его применения за рамками фундаментальных обоснований. Понятие опыта позволяет указать, что за пределами легитимной сферы искусства также существует эстетическое измерение, на которое стоит обращать исследовательское внимание.

Несмотря на то, что для Рорти эстетика также не сводится к теории искусства, он не допускает существования так называемого «без-мысленного» понимания, недискурсивного эстетического опыта. По сути, он видит в эстетике костыль, на который возможно опереться в ситуации краха универсалистской морали. Так, в позднем эссе «Фрейд, мораль и герме-

невтика» Рорти поет дифирамбы основателю психоанализа, его вдохновляет де-универсализация морали (по сути, эстетизация), раз-божествление самости (как условие эстетизации), открывшийся горизонт для «творчества»: «Меня, как и Фрейда, интересуют... личная мораль, развитие характера [...] Фрейд — апостол этой эстетической жизни, жизни бесконечного любопытства, жизни, которая стремится расширить свои собственные границы, а не находить свой центр» (Rorty, 1991, 153). Это такая часть морали, «которую нельзя отождествить с “культурой»; это личная жизнь, поиск персонажа, попытка отдельных людей примириться с самим собой (и в некоторых исключительных случаях, сделать свою жизнь произведением искусства)» (Rorty, 1991, 154). Поскольку ориентиром для этоса является та или иная эстетическая парадигма или, как говорит Рорти, «словарь морального отражения», кантовский вопрос «Что я должен делать?» оказывается производным от главного вопроса: — «Что мне нравится?». Фрейд «помог нам стать более ироничными, игривыми, свободными и изобретательными в выборе самоописаний» — делает вывод Рорти, развивая тему жизни как произведения искусства (aesthetic / artistic life). Разделяя антиэссенциалистский взгляд на природу человека, Шустерман полагает, что эстетическое самоконструирование (self-fashioning) возможно лишь тогда, когда в нем участвует наше «телесное сознание».

Ключевыми для собственного проекта Шустермана оказываются два концепта, на значимость которых он указывает в полемике с Рорти. Во-первых, это — недискурсивное понимание и, во-вторых, — опыт (также имеющий бессловесные формы). Из этих кирпичиков философ строит здание сомаэстетики, заявляя о том, что он развивает, дополняет идею «философии как культурной политики» — понятие, которое было введено Рорти в последнее десятилетие его жизни (с 1996 по 2006 годы). Шустерман полагает, что в последнем сборнике Рорти (2007) понятие культурной политики является ключевым и рекомендуется в качестве стратегии, цели философии. Он полагает, что сомаэстетика — именно тот проект, который «подразумевался» и который действительно может внести существенный вклад в «продолжающийся разговор челове-

ства о том, что ему делать с самим собой» (Shusterman, 2012b, 183). Шустерман обращает внимание на несколько критериев, которые, согласно Рорти, отличают философию как культурную политику:

- 1) «Технические дебаты» в академической сфере должны быть направлены на изменение жизни людей.
- 2) Философия должна носить междисциплинарный характер («чем больше философия стремится к автономии, тем меньше внимания заслуживает»).
- 3) Главной стратегией является коррекция лингвистических практик.

По его мнению, Рорти недостаточно подробно описал характер взаимодействия философии с другими дисциплинами, а также ограничил культурную политику текстовой политикой, исключительно академическими дебатами. Шустерман приводит воспоминания о личных беседах с «самым значимым философом Америки» и делает вывод о том, что особенности его личности не позволяли ему выйти за пределы текстовой культуры, сориентировать философию на социум.

Заметим, что специфика ситуации в англо-американской философии, в которой господствует аналитическая традиция, заставляет воспринимать телесно-ориентированную мысль Шустермана как новость, событие. Однако в отечественных исследованиях (как и в континентальной традиции) тема тела исследовалась и продолжает исследоваться очень активно (М. Эпштейн, Г. Тульчинский, В. Подорога и др.). Более того, период второй половины XX и первого десятилетия XXI века уже получил название — «телоцентризм» (Tul'chinskii, 2006, 216). И поэтому мы вряд ли согласимся с утверждением Шустермана: «...современная философия слишком часто игнорирует феномен тела» (Shusterman, 2012a, 11). Автор изобретает неологизм «сомаэстетика» для того, чтобы артикулировать особую роль тела в эстетическом опыте (Shusterman, 2012a, 379). Что же мыслится в этом случае под телесностью? И зачем потребовался этот акцент на греческом корне? «Поскольку термин “тело” (body) слишком часто противопоставляется разуму и применяется к бессмысленным, безжизненным вещам, а термин “плоть” (flesh) имеет негативные ассоци-

ации в христианской культуре (слово “caro” употребляется в латинском словосочетании “caro putida” — протухшее или сгнившее мясо, — прим. Ю.М.), я использую термин “сома”, — поясняет Шустерман (Shusterman, 2012b, 47). Итак, отсылка к античности позволяет автору стряхнуть отяжелевшие образы и определить тело как «живое, чувствительное, динамичное, восприимчивое и целенаправленное» (Shusterman, 2012b, 48). Именно такое «тело» Шустерман делает основой исследовательского проекта сомаэстетики (Shusterman, 2012b, 48). Подвергая критике рортианский «герменевтический универсализм», а также его преувеличенные надежды на лингвистические практики, которые рекомендуются философам в качестве единственного инструмента, позволяющего включиться в политический контекст, Шустерман задает новые границы философской деятельности.

Итак, цель сомаэстетической программы, которая в то же время является культурной политикой — предусмотреть новые формы соматической осознанности, расширить границы человеческого опыта. Сомаэстетику Шустерман делит на три области — аналитическую, прагматическую и практическую. От дискурсивных практик, как полагает философ, мы должны двигаться к «реальной» практике телесных дисциплин, к процессуальной эстетике.

«Снимите обувь. Присядьте на край стула так, чтобы ваши ноги касались пола. Положите руки на бедра так, чтобы они чувствовали себя комфортно. Если хотите, закройте глаза, поскольку это может помочь вам сделать следующее: обратите внимание, начиная с левой ноги, как ваши пятки соприкасаются с полом...», — так рекомендуется начинать практические занятия по сомаэстетике (Shusterman, 2012b, 112). Шустерман настаивает на том, что при обучении философии необходимо подключать множество инструментов, в том числе и телесно-ориентированные практики. Как и многие представители неопрагматизма, он мало заботится о чистоте дисциплины. Если для Рорти интеллектуальная история была своего рода костюмерной, где можно примерять различные маски (Rybas, 2017), то Шустерман не оставляет надежды выйти на сцену без «маски», обнаружить жизнь такой, какая она есть. Действуя

в соответствии с дескрипциями прагматической сомаэстетики, мы обретаем возможность избавиться от тягостных идентичностей, найти путь к самоконструированию. В этом смысле его проект более оптимистичный. «Этот позднекапиталистический парадокс “приватизированных” поисков путей самосо осуществления, которые оборачиваются потерей подлинной автономии и целостности “Я”, очень точно отражен в глубоком противоречии у Рорти, когда он заставляет ироника стремиться к самообогащению, одновременно, по сути дела, отказывая ему в наличии “Я”, которое следует обогащать», — в таком свете видит Шустерман рортианский проект (Shusterman, 2012a, 372).

Обвиняя Рорти в менталистском взгляде на человеческую природу, в эстетизме, который, по сути, оказывается поэтикой, Шустерман возлагает надежды на телесные практики, техники телесного вчувствования, благодаря которым, по его мнению, возможно очистить самость от идеологической лакировки, от власти стандартизированных образцов, навязанных идентичностей. Так, предполагается, что студенты после практических занятий по сомаэстетике перестанут стремиться к идеалу телесности, представленному Арнольдом Шварценеггером и Джейн Фондой, — их обогащенное эмоционально и когнитивно «Я» будет стремиться к кинестетической гармонии. Согласно логике автора, путь к гармонии пролегает через особые формы чувствования, которые могут и не иметь дискурсивного выражения.

Таким образом, сомаэстетике поручается выполнение тех задач, которые Рорти концептуализировал как «манипуляция чувствами» — по сути, этических задач. Однако если на роль морального гида Рорти назначает воображение, то Шустерман уверен в том, что работа над этосом возможна лишь при условии подключения сомаэстетического измерения. Нравственный прогресс для него прямо пропорционален степени соматической осознанности.

REFERENCES

- Rorty, R. (1991). Freud and Moral Reflection. In *Essays on Heidegger and others. Philosophical Papers Vol. 2* (143-163). Cambridge: Cambridge University Press.

- Rybas, A. E. (2017). Richard Rorty as a Russian philosopher. *Veche: al'manakh russkoi filosofii i kul'tury*, 29, 99-176. (In Russian)
- Shusterman, R. (2012a). *Pragmatic aesthetics: living beauty, rethinking art*. Rus. Ed. Moscow: Kanon Publ. (In Russian)
- Shusterman, R. (2012b). *Thinking through the body*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tul'chinskii, G. L. (2006). *Freedom body*. St. Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian).